

Траектория военной реформы в России

Представление о целостном военно-промышленном комплексе должно быть сдано в архив советских мифов — слишком велик разрыв между недореформированной армией и госкапитализированной оборонной промышленностью | **ПАВЕЛ БАЕВ**

Обладание первоклассной военной мощью — столь же неоспоримый императив для России в начале второй декады XXI века, как и двести лет назад, в эпоху Наполеоновских войн. Тогда мощная армия была гарантом сохранения государства, сейчас же она выступает скорее в качестве важнейшего элемента национальной идентичности. Этим позднепутинский режим разительно отличается от большинства авторитарных квазидемократий — от Туркменистана до Зимбабве, которые не видят необходимости в затратах на армию, поскольку угроза вторжения извне ничтожно мала. Для России эта угроза практически отсутствует, но необходимость содержать огромную военную машину воспринимает как аксиому большая часть политического класса и общества.

Государствообразующая роль армии ярко проявилась в целом ряде символических церемоний весной 2012 года. Сначала празднование Пасхи подчеркнуло нерушимое единство церкви и государства; затем первомайские демонстрации акцентировали близость правящего тандема к народу; помпезная инаугурация Владимира Путина доказывала несокрушимость существующего

порядка правления; завершающим аккордом стал военный парад на Красной площади. Традиционная триада «православие — народность — самодержавие» органично дополняется милитаризмом, но многотысячные уличные протесты в Москве решительно отвергли всю эту архаичную госконструкцию. Выяснилось, что армия не имеет и не может иметь отношения к поддержанию стабильности режима и при этом она втянута в затяжную гражданскую войну на Северном Кавказе, а попытки противопоставить «Уралвагонзавод» и «креативный класс» усугубляют «разруху в головах», которая охватила оборонный комплекс.

Несмотря на гипертрофированное политическое внимание и приоритет в распределении ресурсов, армия и работающая на нее «оборонка» являются средоточием системного кризиса, развивающегося в России. Однако официальный дискурс отрицает эту очевидную динамику и утверждает, что проблемы остались в 1990-х, когда армия сберегла российский государственный суверенитет, поскольку «других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало»¹. Этот сомнительный тезис служит основой постулата о необходимости «быть

сильными», который большинство россиян готовы принимать на веру, что тем не менее не способствует реализации этого намерения на деле. Невозможно выстроить хоть сколько-нибудь достоверный сценарий, в котором Госпрограмма вооружений 2020, принятая в декабре 2010 года, и указы президента Путина о развитии Вооруженных сил (ВС), подписанные в день его инаугурации, были бы по основным параметрам реализованы ².

Вместе с тем невозможно представить и исключительно инерционный сценарий, поскольку ВС оказались единственным государственным институтом, который во время президентства Дмитрия Медведева был подвергнут радикальной перестройке. На своем последнем заседании Коллегии Министерства обороны (МО) президент Медведев объявил, что «реформирование Вооружённых сил практически завершено», но это признание собственных заслуг далеко от реальности ³. На нескольких направлениях реформы точка невозврата решительно пройдена, другие компоненты военной машины остаются недо- или вовсе неререформированными, что создает ощутимый дисбаланс и заставляет продвигаться дальше по пути перестройки, даже если на старте последнего путинского президентства доминирует стремление «заморозить» статус-кво.

В данной статье предпринимается попытка прочертить умеренно оптимистическую траекторию дальнейшей трансформации военной системы, которая включает три основные подсистемы: стратегические силы, силы общего назначения и оборонно-промышленный комплекс (ОПК).

Точка отсчета 2012: результаты смелых экспериментов

Необходимость глубоких реформ как Вооруженных сил, численность которых в начале 1990-х была сокращена в 4–5 раз, так и ОПК, продукцию которого армия была не

в состоянии оплачивать, специалисты доказывали с возрастающим отчаянием на протяжении двух президентских сроков Путина, но запуск этих реформ осенью 2008 года оказался полным сюрпризом ⁴. Верховный главнокомандующий Медведев изначально устранился от руководства этим процессом и впоследствии лишь одобрил его, в результате чего реформы прочно ассоциируются с именем Анатолия Сердюкова, которого Путин назначил министром обороны в феврале 2007-го ⁵. Решительно сломав сопротивление военной бюрократии, Сердюков провел крайне болезненные и не всегда осмысленные изменения, с тем чтобы придать «новый облик» силам общего назначения, посчитав излишним обосновывать их в Военной Доктрине, утвержденной в феврале 2010 года ⁶. Такое сведение «теоретизирования» к пропагандистскому обеспечению привело к тому, что вызовы безопасности России практически не получили аналитической оценки и реформа ВС не ориентирована на отражение вероятных угроз. При этом Сердюков по сути вынес за скобки проводимой им перестройки стратегические силы и лишь в 2011-м решился на серию острых конфликтов с директорами концернов ОПК, которые до этого опекал вице-премьер Сергей Иванов.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УСКОРЕНИЕ На протяжении 2000-х годов состояние стратегических сил характеризовалось тем, что число носителей серьезно сокращалось, поскольку срок службы ракет, принятых на вооружение на пике гонки вооружений в 1970-е, истек. На старте нового десятилетия Путин взял давно обещанный курс на перелом этой тенденции, в первую очередь за счет развертывания нового поколения стратегических подводных лодок (ПЛ). Главной проблемой для ПЛ класса «Борей» стала твердотопливная ракета «Булава»: предполагалось, что она будет готова в середине 2000-х, но лишь в декабре

2011 года, после залпового пуска с ПЛ «Юрий Долгорукий», было запущено ее серийное производство⁷. Задержка привела к тому, что ПЛ проекта 667БДР («Кальмар» или *Delta III*) выводятся из боевого состава флота до поступления «Бореев».

Более надежным способом наращивания общего потенциала стратегических сил стало оснащение хорошо зарекомендовавшей себя межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Тополь-М» разделяющимися головными частями; при этом ракета получила новое имя РС-24 «Ярс». Общее количество МБР продолжает сокращаться, хотя и не так стремительно, как ожидали эксперты, поскольку сроки вывода из строя тяжелых ракет (SS-18 и SS-19) растянуты до предела⁸. Наиболее эффективным способом продемонстрировать мощь стратегических сил оказалось возобновление регулярных полетов дальней авиации, но при этом планы восстановить производство бомбардировщиков Ту-160 оказались нереализуемыми, а продление сроков службы турбовинтовых бомбардировщиков Ту-95МС проблематично из-за износа двигателей⁹.

Программы развертывания ПЛ и МБР получили новый импульс после форсированного подписания Пражского Договора СНВ-III в апреле 2010-го, поскольку число российских носителей и боеголовок уверенно пошло вниз от установленных лимитов из-за неотменяемого устаревания. Основной узел напряженности появился в сфере противоракетной обороны (ПРО), где дипломатические коллизии трансформируются в высокочрезвычайные и малопродуктивные усилия, направленные на отражение несуществующей угрозы¹⁰. Если строительство новых радаров системы раннего оповещения имеет практический смысл, то утверждения о способности новых ракет преодолеть ПРО любой эшелонированности плохо стыкуются с амбициозными планами развернуть

собственную систему воздушно-космической обороны. В результате ответ на сугубо необязательные и легко корректируемые намерения США получается одновременно симметричным, асимметричным и превентивным (размещение тактических ракет «Искандер» в Калининградской области), что отнюдь не делает его рациональным.

АРМИЯ УЖЕ-НЕ-СТАРОГО, НО ЕЩЕ-НЕ-НОВОГО ТИПА

Что касается сухопутных войск, сердюковская перестройка пошла революционным путем проб и ошибок, за которые никто не понес ответственности, тогда как авиация и флот пострадали меньше. Принципиальный вопрос «С чего начать?» был разрешен весьма неочевидным способом: был выбран самый болезненный вариант — драконовское сокращение офицерского корпуса. В 2011 году тысячи выведенных за штат офицеров пришлось зачислять обратно, но основной ущерб состоял в том, что первыми были уволены наиболее активные подполковники и полковники с боевым опытом, которые могли бы стать основой командного состава модернизируемой армии. Однако они были способны требовать осмысленности в продвижении реформ. Офицерский корпус был деморализован настолько, что не оказал серьезного сопротивления дальнейшим экспериментам, за исключением закаленных «миротворчеством» воздушно-десантных войск (ВДВ), командование которых решительно отказалось проводить сокращения и переходить на бригадную структуру — и добилось своего¹¹. Радикальной трансформации была подвергнута и окостеневшая бюрократия Министерства обороны, в результате чего была создана система гражданского (но отнюдь не парламентского) контроля над ВС. Несомненным плюсом стало установление эффективного контроля команды Сердюкова над финансовыми потоками; серьезными минусами — утрата компетенции в строительстве ВС и потеря

стратегических ориентиров в подготовке войск к решению реальных задач.

Главной проблемой в осуществлении модернизационного прорыва к армии «нового облика» оказались кадры — от Генерального штаба, ключевые управления которого были разгромлены накануне войны с Грузией летом 2008-го и остаются, по существу, парализованными, до мотострелкового взвода, где обучение призывников перешло в руки самих призывников. Одним из основных и успешных направлений сердюковской реформы стал демонтаж колоссальной структуры мобилизационного развертывания, в первую очередь были расформированы все соединения и части «сокращенного состава», которые давно превратились в склады непригодного или разворованного оружия. По факту этого безболезненного аннулирования суперобъемного, но в действительности фантомного потенциала, Россия больше не имеет инфраструктуры для ведения длительной обычной войны, хотя этот факт не находит отражения в доктринальных установках и мало интересует министра обороны и Верховного главнокомандующего. Переориентация на ведение скоротечных локальных войн требует мобильной профессиональной армии, но этот логический вывод остается гипотетическим.

Вопрос о переходе от призывной системы к добровольно-контрактным принципам комплектования был камнем преткновения на пути реформ с начала 1990-х годов, и Сердюков решил его обойти, что помогло добиться ускорения на старте процесса, но привело к нарастанию официально несуществующих проблем, порожденных «волевым» решением Путина сократить срок службы по призыву до 12 месяцев. Подготовить солдата из призывника в течение нескольких месяцев можно при наличии в подразделениях крепкого костяка из опытных сержантов, но одной из ошибок реформирования стало рез-

кое сокращение числа контрактников и прапорщиков, а школы для подготовки профессиональных сержантов так и не были созданы, за исключением ВДВ¹². Признание этой ошибки далось с трудом, но в предвыборной статье Путин зафиксировал, что «младшие командиры — это стеновой хребет Армии», и поставил задачу набирать по 50 тысяч контрактников в год с тем, чтобы довести общее количество «профессионалов» до 700 тысяч к 2017 году¹³. Вопрос о том, насколько решается эта задача, осложняется тем, что армия завоевала репутацию крайне ненадежного работодателя на специфическом сегменте рынка труда, где ищут применения своим способностям люди, готовые нести службу с оружием в руках.

Несомненным успехом Сердюкова является то, что он свел к минимуму риск политизации армии, который складывался из недовольства непродуманными сокращениями в офицерском корпусе и озлобления десятков тысяч уволенных в запас. Основным способом управления этим риском стала программа обеспечения офицеров жильем (при всех ее издержках), а значительное повышение окладов с начала 2012-го практически обеспечило лояльность армии в ходе президентских выборов.

НЕСОКРУШИМЫЙ ОБОРОНПРОМ Главным побудительным мотивом к эксперименту с реформой, по всей видимости, стал тот факт, что от значительных вложений, направленных на поддержание военной мощи, не было никакой отдачи, а запуск госпрограммы вооружений на 2006—2015 годы оказался неудачным. Но Сердюков решил отложить оружие до лучших времен, поскольку кризисное падение экономики с середины 2008-го серьезно сказалось на финансировании. Такая осторожность была продиктована и тем, что ОПК курировал его предшественник Сергей Иванов, который намеревался отработать

вице-премьером без осложнений и затем получить другую должность в Кремле. Новая госпрограмма вооружений на 2011–2020 годы была принята на основе полного удовлетворения заявок предприятий оборонной промышленности, однако с самого начала Сердюков пошел в решительное наступление на привыкших к безответственности директоров, избегая при этом любых конфликтов с индифферентным Ивановым¹⁴.

Основным инструментом в руках Сердюкова стал вопрос о ценах, что каза-

фактически является формой бессрочного субсидирования неконкурентоспособного, а во многих случаях нежизнеспособного производства товаров, спрос на которые определяется политической конъюнктурой.

Сердюков пошел на серию компромиссов в твердой уверенности, что его позиции станут прочнее к следующему раунду конфронтации, но с появлением амбициозного Дмитрия Рогозина на посту вице-преьера «по оборонке» ситуация изменилась гораздо более кардинальным образом, чем это виде-

“Россия больше не имеет инфраструктуры для ведения длительной обычной войны, хотя этот факт не находит отражения в доктринальных установках”.

лось малоубедительным, поскольку именно на 2011 год пришелся резкий рост расходов на оборону, которые достигли 11,5 проц. федерального бюджета против нормы 2000-х в 7–8 процентов¹⁵. Сугубо непрозрачная система ценообразования лишала директоров возможности представить сколько-нибудь вразумительное обоснование своих запросов, что давало Сердюкову возможность возвращать обвинения в срыве оборонзаказа¹⁶. Путину пришлось лично «разруливать» ряд конфликтных ситуаций, ориентируясь при этом не столько на экономическую целесообразность, сколько на необходимость заручиться поддержкой «пролетариата» на выборах и в противостоянии с московской оппозицией, сделав символом своей неопромполитики «Уралвагонзавод»¹⁷. Политика восстановления индустриальной мощи главным образом была нацелена на превращение предприятий ОПК в «локомотивы модернизации», но даже наиболее успешные из них (такие как «Севмаш» или «Воткинский завод») имеют настолько устаревшую технологическую базу и изношенное оборудование, что госзаказ

в предвыборное лето. Дело не столько в том, что Рогозин взялся активно лоббировать интересы и без того влиятельных супергоскорпораций вроде ОСК, сколько в серьезном сжатии доходов федерального бюджета, что сулило перенос сроков всей госпрограммы вооружений¹⁸. Путин обошел молчанием эту проблему в бюджетном послании 2012-го, но затем решительно уточнил, что «все графики поставок вооружения и техники должны быть выполнены в полном объеме, в срок и по согласованным ценам»¹⁹.

Демонстративная твердость политической линии не может отменить того непреложного факта, что денег на осуществление этой гигантской программы, стоимость которой будет неизбежно расти, нет и не предвидится, что не устает подчеркивать бывший министр финансов Алексей Кудрин²⁰. Даже при удовлетворительном финансировании полуреформированная армия предъявляет спрос на системы оружия такого качества и сложности, какого нереформированный оборонный комплекс, ориентированный на «освоение» бюджетных средств, производить не сможет.

Столбовая дорога 2025: модернизация не на словах — но без иллюзий

Три результата сердюковской «перманентной революции» представляются ключевыми:

(1) трансформация ВС продвинулась настолько, что возврат к прежней квазисоветской модели невозможен; (2) текущее состояние ВС крайне неустойчиво, и только длительное приложение усилий и ресурсов может сформировать сбалансированную и саморазвивающуюся структуру; и (3) разрыв связей между недореформированной армией и госкапитализированной оборонной промышленностью зашел настолько далеко, что представление о целостном военно-промышленном комплексе должно быть сдано в архив советских мифов. Эксперимент доказал принципиальную возможность радикальных реформ, и за сегодняшней неопределенностью проглядывает образ армии завтрашнего дня, который, впрочем, существенно отличается от официально утвержденных перспектив.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МИНИМАЛИЗМ Официальная установка на то, что стратегические силы останутся приоритетом при любых вынужденных коррективах в программе вооружений, является декларативной и может быть незаметно отменена, подобно тому как в самом начале путинской «эпохи» вторая чеченская война нанесла удар по финансированию стратегических программ и привела к отставке министра обороны Игоря Сергеева, который отстаивал их до последнего. Даже при сохранении приоритета ограниченность ресурсов потребует настолько глубоких изменений в планах развития всех элементов стратегических сил, что схема «всего чуть-чуть меньше» не сработает. Основной упор (руководствуясь здравым смыслом) должен быть сделан на реализацию уже запущенных программ, в первую очередь это касается серии подводных лодок «Борей» и линейки МБР, которая опирается на модель

«Тополь-М» (включая «Ярс» и дальнейшие модификации).

Продление сроков службы ракет и ремонт подводных лодок позволят сохранить повышенную численность группировок до конца десятилетия, но к 2025 году все «изделия» советского производства (150 межконтинентальных ракет и шесть подводных лодок) будут выведены из боевого состава. Стратегические силы, состоящие из 150–170 ракет наземного базирования и семи-восемью подводных лодок, способны обеспечить традиционное сдерживание без какой-либо уязвимости, но на пути к этому «минимуму» необходимо разрубить три узла противоречий. Во-первых, к середине десятилетия придется признать, что ликвидировать дальнюю авиацию необходимо, поскольку изношенность парка самолетов Ту-160 и Ту-95МС достигает критического уровня. Авиационный элемент повышает устойчивость стратегической «триады» и может отлично работать в локальных конфликтах, но заказ на новый стратегический бомбардировщик относится к категории сказок, которые невозможно сделать былью²¹.

Во-вторых, придется свернуть большинство космических проектов с тем, чтобы поддерживать в рабочем состоянии систему ГЛОНАСС, в которую вложены огромные средства, и сконцентрировать усилия на нескольких направлениях, где специализация будет экономически эффективной. Россия сможет сохранить за собой роль «космического извозчика» (по выражению Дмитрия Рогозина), только если осуществит запоздалый рывок в разработке носителей нового поколения²².

В-третьих, необходим запуск программы утилизации нестратегического (тактического) ядерного оружия, поскольку пригодность большинства боеприпасов невозможно оценить при сохранении запрета на ядерные испытания. Многократное сокращение

этого арсенала требует определенности в стратегических установках по условиям и задачам возможного применения ядерного оружия малой дальности и мощности и соответствующей подготовки сил и средств. До настоящего времени это критически опасное оружие остается в концептуальном вакууме и информационной «черной дыре», что сводит к минимуму смысл его сохранения²³.

За Россией, безусловно, останутся стратегические преимущества мощной ядерной державы, даже если ее превосходство над Китаем сократится до положения близкого к паритету, но программы в области противоракетной обороны не окажут реального воздействия на устойчивость системы многостороннего сдерживания.

АРМИЯ, СПОСОБНАЯ НЕ ОЧЕНЬ НА МНОГОЕ

Организационные структуры армии нового типа в основном выстроены, но наполнить их соответствующим содержанием будет много сложнее, чем это воображала слегка обновленная команда Сердюкова и с ее подачи — Верховный главнокомандующий, у которого военные проблемы вызывают больше раздражения, чем интереса²⁴. Бригады сухопутных войск могут стать боеготовыми частями, способными действовать в любых видах войн, если будут укомплектованы обученными профессионалами. Время, упущенное в конце 2000-х для упрочения контрактной системы, отдаляет переход от призывной к профессиональной армии до конца 2010-х годов, но готовность общества принять отказ от повинности, называемой по советской традиции «патриотическим долгом», сформировалась с первых лет новой российской государственности и остается неизменной²⁵. Демографический кризис по-прежнему остается главным фактором постоянных трудностей при комплектовании ВС. Вместе с тем продвижение к «умной армии» возможно только путем конкуренции на рынке труда,

что сопряжено с решительным искоренением казарменно-дедовщинной субкультуры призывной армии²⁶.

Переход к контрактной системе не может быть одномоментным, и его ключевым этапом является создание корпуса профессиональных сержантов, прошедших обучение в специальных школах и имеющих перспективы карьерного роста²⁷. Такой корпус может сложиться к середине 2020-х, но его формирование во второй половине 2010-х годов будет неизбежно осложнено кризисом системы военного образования, связанным с тем, что на начальном этапе сердюковских реформ большая часть военных училищ и академий были расформированы или перемещены²⁸. Новое поколение офицеров и сержантов прежде всего должно будет преодолеть провал в области современных информационных технологий, а для этого необходимо создать сеть центров боевой подготовки, построенных «под ключ» европейскими разработчиками военных технологий²⁹. Российская армия пропустила несколько циклов «компьютеризации», но имеет возможность сразу внедрить системы управления на основе информационных технологий середины 2010-х, поддерживая опережающий, а не догоняющий темп дальнейшей модернизации.

Следующей по важности задачей является мобильность, главным образом по воздуху, поскольку в нынешнем состоянии бригады способны к переброске только после двух-трехнедельных сборов — и в основном по железным дорогам. Транспортная авиация может в разы поднять уровень мобильности за счет обновления парка самолетов, при этом программа серийного производства грузовых Ил-476 осуществима как по технологиям, так и по финансам³⁰. Другой ключевой элемент мобильности — это возрождение вертолетных частей, которые оказались в глубоком упадке после того, как в 2003 году

армейская авиация перешла в состав ВВС. Вертолетные эскадрильи значительно повысят боевой потенциал бригад, при этом серийный запуск хорошо обкатанных моделей Ми-28 и Ка-50/52 не потребует больших затрат, так что норма в 1100 новых машин, установленная Госпрограммой вооружений 2020, не выглядит невыполнимой. С повышением мобильности и боеготовности легких бригад отпадает необходимость в сохранении ВДВ как отдельного элемента в структуре ВС, но вместо того, чтобы низводить их до армейских соединений, может быть реализован давний замысел по созданию командования сил быстрого развертывания, которому могут быть подчинены и бригады морской пехоты³¹.

Модернизация ВВС упирается в полную неопределенность с проектом истребителя «пятого поколения» Т-50 (ПАК-ФА), но замена «рабочих лошадок» Су-24 и Су-27 на, соответственно, Су-34 и Су-35 должна пройти без осложнений³². Что касается ВМФ, то его ударной силой станут два вертолетоносца класса «Мистраль», при этом создание в России еще двух таких кораблей, скорее всего, будет заморожено, а авианосец «Адмирал Кузнецов» и крейсер «Петр Великий» к 2025 году будут поставлены на прикол³³. Адмиралам придется умерить океанские амбиции и сосредоточиться на проблемах «малого флота», поскольку тральщики, ракетные и патрульные катера, десантные корабли советской постройки отслужили все возможные сроки. Эскадру стратегических подводных лодок целесообразно было бы сосредоточить на Северном флоте, тогда как вертолетоносцы «Владивосток» и «Севастополь» могли бы объединиться в составе Тихоокеанского флота, который действует там, где наиболее вероятны конфликты на море.

Модернизация сил общего назначения может успешно продвигаться только одно-

временно с их сокращением, которое определяется в первую очередь демографической ситуацией и во вторую — бюджетными сжатыми, что позволит решить путинскую задачу о привлечении на военную службу 700 тысяч контрактников/профессионалов в лучшем случае наполовину. Реалистичная общая численность Вооруженных сил может составлять две трети от формально принятого за «окончательный» уровень (который сейчас определен в один миллион).

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ НА ПРЕИМУЩЕСТВАХ Вопрос о перспективах модернизации ОПК будет решаться не столько в рамках военной реформы, сколько в русле общей трансформации экономики, и даже шире — в контексте модернизации российского общества и государства. Было бы неверно связывать этот вопрос исключительно с судьбой гигантских промышленных «уралвагонзаводов» и «моногородов», сложившихся вокруг них, как, например, Нижний Тагил или Северодвинск³⁴. На самом деле большая часть предприятий, производящих оружие и военную технику, расположено в столицах регионов — от авиационного завода в Улан-Удэ и механического завода в Ижевске до Адмиралтейской верфи в Санкт-Петербурге. Москва является подлинной столицей ОПК не только в силу того, что в ней находятся головные офисы корпораций и конструкторские бюро, как, например, Московский институт теплотехники (разработчик ракет «Тополь-М» и «Булава»), но и крупные производственные мощности, в частности входящие в Концерн ПВО «Алмаз-Антей» (зенитные ракетные комплексы С-300 и С-400). Считать эту гиперсложную систему (множество связей внутри которой остаются разорванными) нежизнеспособной и производящей «отрицательную стоимость» столь же ошибочно, как и видеть в ней «двигатель инновационного прогресса» и «локомотив модернизации». Если армию можно рас-

смагивать как государство в государстве, со своей традицией и корпоративной культурой, то ОПК таким самодостаточным квазигосударством не является и скорее может быть представлен как набор громоздких шестерней в часовом механизме, отдельные элементы которого уже работают на микро-схемах.

Одним из бесспорных достижений Анатолия Сердюкова стало решение о том, что Российская армия будет закупать за рубежом те системы оружия, которые отечественная промышленность не в состоянии

необходимость сосредоточить усилия и средства на тех направлениях, где имеются действующие программы и перспективные разработки. Такой вывод может показаться самоочевидным, но на практике это сопряжено с острыми проблемами, и не только в силу субъективности выбора приоритетных направлений. Каждое решение о прекращении производства условных «кирзовых сапог» влечет за собой социальную драму, связанную с закрытием предприятия, которое составляло смысл существования сотен оборонбюджетников.

“Вопрос о перспективах модернизации ОПК будет решаться в контексте модернизации российского общества и государства”.

производить на уровне западных стандартов. Предвыборная щедрость Путина в подписании контрактов по гособоронзаказу и «патриотическое» лоббирование вице-преьера Рогозина затушевывали значительность этого решения, но его материальным воплощением остается контракт на закупку во Франции двух универсальных десантных кораблей класса «Мистраль». Реализация этого контракта должна привести к выводу, что строить в России боевые корабли большого тоннажа нецелесообразно (опыт реконструкции в Северодвинске авианосца «Адмирал Горшков» («Викрамадитья») для ВМС Индии свидетельствует о том же), тогда как корабли классов эсминец/фрегат могут производиться большими сериями, с учетом не только потребностей ВМФ, но и устойчивого спроса на рынках Юго-Восточной Азии.

Более общий вывод, который логически вытекает из сердюковского решения, но встречает ожесточенное сопротивление лоббистов оборонных концернов, — это то, что у нас нет необходимости производить весь набор вооружений и, напротив, есть

Фундаментальный изъян всего ОПК заключается в примитивности информационных технологий, но импорт может компенсировать только часть этого изъяна. Бригадам критически необходима комплексная информационная система, однако «Единая система управления тактического звена», разработанная концерном «Созвездие», устарела задолго до внедрения и не может быть доведена до уровня требований поля боя 2010-х годов, а закупить систему, которая была бы совместима со всеми российскими системами оружия, невозможно³⁵. Проблема выглядит неразрешимой, и уязвимость информационных систем с точки зрения проникновения извне и виртуальных атак только усложняет ее. Ясно, однако, что рассчитывать на то, что отечественные «созвездия», нацеленные на освоение бюджетных ресурсов, смогут преодолеть накопившееся отставание в информационных технологиях, не приходится. Совокупность элементарно-программно-сетевых проблем — от компьютерной начинки спутников до компьютерного планшета у командира взвода — может быть решена толь-

ко «петровским» способом: заимствованием передовых технологий и форсированным внедрением их в российский оборонпром; этим же способом был осуществлен и сталинский «прорыв» в середине 1930-х, о котором ностальгирует Путин³⁶.

Переломы тенденций

Традиционалисты военной мысли едва ли воспримут описанные выше перспективы модернизации Вооруженных сил как «оптимистический сценарий», но серьезное снижение целей неизбежно для России в такой же степени, как и для НАТО, обескровленного поражением в Афганистане. Тем не менее даже этот сценарий развития реформ по траектории «разумной достаточности» возможен только при наличии трех важнейших условий:

- уровень внешней угрозы продолжает оставаться беспрецедентно низким, так что надежность стратегического сдерживания не подвергается испытаниям;
- экономические трудности не переходят в глубокий кризис, сопоставимый с началом 1990-х годов, который потребует резкого сокращения бюджета;
- политический кризис не приводит к эскалации вялотекущей гражданской войны на Северном Кавказе, а крушение постсоветских авторитарных режимов не создает очагов конфликта у границ России.

Внешние потрясения остаются в основном за рамками этого анализа, но представляется маловероятным, чтобы усилия США по развертыванию системы ПРО действительно стали вызовом безопасности России. Обострение многообразных конфликтов в проблемной зоне Афганистан — Пакистан — Иран будет провоцировать вспышки кризисов в Средней Азии и Закавказье, но такого рода вызовы фигурируют в российском стратегическом планировании еще с начала 1990-х годов. Значительно более масштабные

и труднопредсказуемые вызовы безопасности назревают в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и микроконфликты вдоль спорных морских границ свидетельствуют о неустойчивости и неадекватности региональной системы сдержек и противовесов. Россия обозначила готовность отстаивать свои интересы в морских коллизиях, повысив — со скандалом — уровень политического присутствия на Южных Курилах, но ее возрастающая слабость не вызывает сочувствия у соседей и партнеров, удостоверившихся на саммите АТЭС во Владивостоке в том, что показуха усугубляет деградацию.

Абстрагируясь от пока гипотетических внешних угроз, можно с большой степенью достоверности установить, что ближайшая точка перелома тенденций в развитии комплекса военных проблем определяется тем, как долго Владимир Путин будет сохранять власть в своих руках. Он был инициатором запуска крайне рискованной и недостаточно продуманной военной реформы, но сам же приостановил ее продвижение. Неустойчивость нынешнего состояния требует новых кардинальных решений, столь же смелых, как и решение сократить наполовину офицерский корпус, но Путин явно не готов их принимать. Он стал главным фактором неопределенности, который деформирует ближайшую перспективу, так что долгосрочное планирование становится абстрактным упражнением, хотя по собственным словам президента: «Если мы сейчас это будущее не определим — хотя бы его общие параметры, — то у нас его вообще не будет»³⁷.

Вариант с «мягким» отстранением Путина от власти в результате раскола элит и формированием правительства «либералов-модернизаторов» возможен уже в первой половине его президентского срока, и при всей неустойчивости такого коалиционного руководства (что неизбежно), оно может преодолеть четыре преграды на пути военной

реформы. Во-первых, госпрограмма вооружений 2020 будет переформатирована: ее сроки будут продлены до 2025 года, а явно буксующие направления свернуты. Во-вторых, будет преодолена путинская заикленность на проблеме американской ПРО, и ликвидация фантомной угрозы позволит не только оздоровить трансатлантический климат, но и остановить высокочатратную и крайне неэффективную деятельность в области создания системы воздушно-космической обороны и одноименного командования³⁸. В-третьих,

другом развитии событий близкая по характеру ситуация может сложиться, если Путин справится с расколом элит и останется у власти почти до конца своего президентского срока. Перелом траектории, по-видимому, будет связан с тем самым «левым поворотом», который описал Михаил Ходорковский еще в середине 2000-х⁴⁰. Независимо от того, появится или нет харизматический лидер, левопопулистские партии получают шанс реализовать программу, совмещающую идеи социальной справедливости и укрепления

“Вспышки кризисов в Средней Азии и Закавказье фигурируют в российском стратегическом планировании еще с начала 1990-х годов”.

миллионная армия будет признана несуществующей и невозможной, и оптимальный предел численности Вооруженных сил будет снижен до 750 тысяч человек. В-четвертых, будет решен вопрос о поэтапном отказе от призывной службы и переходе к профессиональной армии. Путин неоднократно подступал к этой проблеме, но даже его последнее «ценное указание» по очередному увеличению числа контрактников вразумительного ответа не дает. Подобная нерешительность наводит на мысль, что президент подозревает (но вряд ли понимает), что профессиональная армия, осознающая свои интересы и спаянная представлениями о долге и служении, перестанет быть надежным инструментом в руках утрачивающего легитимность «национального лидера», но может стать самонаводящимся орудием его прицельного поражения³⁹.

Этот радикальный поворот политического сюжета едва ли будет длительным, и уже в начале второй половины десятилетия правительство «модернизаторов» может потерпеть поражение в конкурентной борьбе, которую оно само стимулировало к развитию. При

роли государства. В принципе подобная «патриотическая» программа подразумевает новое расширение гособоронзаказа и увеличение расходов на оборону, но такая щедрость будет ограничиваться общим и, по всей видимости, неблестящим состоянием экономики. Вялый рост начала 2010-х годов может смениться стагнацией, переходящей в депрессию, и такое положение дел — в целом благоприятное для прихода к власти левых партий — заставит их продолжать реформы, включая военную, которые они намеревались свернуть. Возможное сокращение импорта вооружений едва ли оживит ОПК, но может ускорить планы по форсированному внедрению информационных технологий.

Кризис второй половины 2010-х может приобрести критическую интенсивность, если экономический спад будет сопровождаться эскалацией переплетающихся конфликтов на Северном Кавказе, которые с конца 2000-х годов регулируются главным образом путем увеличения объемов федеральных дотаций и инвестиций⁴¹. Слияние отдельных очагов гражданской войны в обширную зону военных операций и гумани-

тарных бедствий потребует от федерального правительства чрезвычайных мер реагирования. В частности, может оказаться необходимым расширение (или восстановление) призыва, а расходы на ведение военных действий и развертывание усиленной группировки войск будут профинансированы за счет сокращения расходов на стратегические силы, в том числе наиболее дорогостоящей программы строительства подводных лодок. В рамках современной государственности не существует очевидного военного решения для узла проблем на Северном Кавказе, но любая комбинация социально-экономических и политических мер и ресурсов, не подкрепленная военной силой, также не может быть выходом из создавшегося положения.

Кризис второй половины 2010-х годов может иметь множество субоптимальных, негативных и даже катастрофических вариантов развития, но его преодоление возможно без традиционного упования на чудо⁴². Попытки сконструировать действующую модель «социального государства на нефтяной ренте» исчерпаны. Этот факт вместе с разви-

тием политической конкуренции может дать шанс новому поколению модернизаторов, не запятанных ельцинской приватизацией, путинской коррупцией и медведевской демагогией. Их базой не может оставаться только «продвинутой» Москва, но, даже опираясь на всю предпринимательскую и европейски ориентированную Россию, они должны будут предложить приемлемую перспективу так называемым «силовым структурам». Что касается армии, которая в значительной степени остается вне политики, для нее главной задачей будет не установление гражданского контроля (который стал причиной большинства ошибок сердюковской перестройки), а формирование команды молодых офицеров-реформаторов, которые осознают необходимость профессиональной армии. В ситуации политического безвластия новое поколение энергичных генералов может прийти к мысли о неизбежности военного переворота, но укрепление демократических институтов оставляет такой риск в рамках приемлемого, поскольку только решение задачи эффективного лидерства откроет путь для модернизационного рывка к оборонной достаточности. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Развернутое изложение этого тезиса дается в статье: *Путин В.* Быть сильными: Гарантии национальной безопасности для России // *Российская газета*. 2012. 20 февр. Грамотный анализ см.: *Литовкин В.* Главная задача президента // *Независимая газета*. 2012. 21 февр.

² Тексты указов доступны на президентском вебсайте: <http://president.kremlin.ru/acts/15242>.

³ Выступление Медведева см.: <http://president.kremlin.ru/transcripts/14808>; грамотный комментарий: *Сафронов И.* мл. Штабные мучения // *Коммерсант-Власть*. 2012. 2 апр.

⁴ Подробный анализ реформ дан в главах А. Гольца и П. Баева в книге: *Россия 2020: Сценарии развития* / Под ред. М. Липман, Н. Петрова. М.: Росспен, 2012.

⁵ Роль Сердюкова высоко оценил в своей статье Виталий Шлыков: *Шлыков В.* Тайны блицкрига Сердюкова // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 6 (нояб.–дек.).

⁶ Развернутая оценка этого сугубо бессодержательного документа дана в: *Russian Military Politics and Russia's 2010 Defense Doctrine* / S. Blank (ed.). Carlisle Barracks PA: US Army War College, 2010.

⁷ Проблемы с «Булавой» перечислены в статье Владимира Евсеева: *Евсеев В.* Флот оснащают еще одной грозной ядерной дубинкой // *Независимая газета*. 2012. 10 февр.

⁸ Надежным источником информации по текущему состоянию основных программ является блог Павла Подвига *Russian Strategic Nuclear Forces* (http://russianforces.org/blog/rocket_forces/).

⁹ Убедительный анализ неблестящих перспектив см.: *Stukalin A.* Bears and Blackjacks Are Back. What Next? // Moscow Defense Brief. 2010. No. 4 (<http://mdb.cast.ru/mdb/4-2010/item4/article1/>).

¹⁰ Весомое мнение по этой проблеме см.: *Арбатов А.* Математика и стратегия // Независимое военное обозрение. 2012. 2 марта.

¹¹ Решительная позиция командующего ВДВ генерала Владимира Шаманова подкреплялась железным доводом о необходимости сохранения в ходе реформ хотя бы нескольких боеспособных соединений. См.: *Литовкин В.* Десантный политический инцидент // Независимая газета. 2010. 25 окт. Развернутый анализ см.: *Thornton R.* Organizational Change in the Russian Airborne Forces: The Lessons of the Georgian Conflict. Carlisle Barracks PA: The UA Army War College, Dec. 2011.

¹² См.: *Иванов В.* Контрактников сведут к минимуму // Независимое военное обозрение. 2010. 2 июля; *Мухин В.* Армию разделили на элиту и «рабочих лошадей» // Независимая газета. 2011. 2 февр.

¹³ Вопросы к статье в «Российской газете» (см. примечание 1) поставлены в статье: *Храмчихин А.* Последуют ли реальные дела после статьи премьера // Независимое военное обозрение. 2012. 2 марта.

¹⁴ Об итогах бюджетных «сражений» 2011 года см.: *Путлов С.* Гонка разоружений // Новые Известия. 2012. 17 мая.

¹⁵ О пагубности этого рывка пишет Алексей Михайлов: *Михайлов А.* Принеси то, не знаю что // Газета.ru. 2012. 2 июля (<http://www.gazeta.ru/column/mikhailov/4654237.shtml>).

¹⁶ Тон этим обвинениям задал генеральный конструктор Московского института теплотехники Юрий Соломонов, см. его интервью: Госзаказ 2011 года уже сорван // Коммерсант. 2011. 6 июля.

¹⁷ Об особом отношении Путина к этому предприятию см.: *Гольц А.* Поддержка стоимостью в 64 миллиарда // Ежедневный журнал. 2011. 19 дек. (<http://www.ej.ru/?a=note&id=11592>).

¹⁸ Следствием конфликта ОСК с Сердюковым стала смена руководства корпорации. См.: *Попов Е., Сафронов И.* мл. Роман Троценко сходит с верфей // Коммерсант. 2012. 18 июня. О переформатировании госпрограммы см.: *Казьмин Д.* и др. Перевооружение армии может быть отложено // Ведомости. 2012. 2 июля.

¹⁹ Вступительное слово на совещании по выполнению гособоронзаказа доступно на сайте: <http://president.kremlin.ru/news/15868>; оценки неустойчивости цен и нереальность сроков см.: *Богданов К.* Госпрограмму вооружений придется перезагрузить за три года // РИА-Новости. 2012. 2 июля (<http://ria.ru/analytics/20120702/690180731.html>).

²⁰ См.: *Нетребя П.* Призрак оборонзаказа вернулся в политику // Коммерсант. 2012. 19 янв.

²¹ Компетентное мнение по этому вопросу высказано в статье: *Осин М., Светлов Н.* Бомбардировщики на нашу голову // Независимая газета. 2012. 22 июня.

²² Интервью Д. Рогозина радио «Эхо Москвы» 29 июня 2012 года см.: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/903367-echo/#element-text>; состояние космических программ анализируется в дискуссии: Оборона страны начинается и заканчивается космосом // Независимое военное обозрение. 2012. 15 июня.

²³ О нежелании вести переговоры по сокращению этого типа оружия см.: *Литовкин В.* России предлагают разоружиться // Независимая газета. 2012. 14 апр.

²⁴ Об отсутствии у Путина серьезного интереса к военным проблемам я писал в книге: *Баев P.* Russian Energy Policy and Military Power: Putin's Quest for Greatness. L.: Routledge, 2008. Анализ личных пристрастий и антипатий Путина посвящена подготовленная к печати книга: *Hill F., Gaddy C.* Mr. Putin: Operative in Kremlin. Wash.: Brookings, 2012.

²⁵ По данным опросов Левада-Центра, в 1998 году 53 проц. россиян поддерживали переход к профессиональной армии (призывную систему поддерживали 35 проц. российских граждан), а в 2012-м – 51 проц. (43 проц. высказались за сохранение призыва). В начале 2000-х годов уровень поддержки полной профессионализации превышал 60 проц., но сокращение срока службы по призыву в конце десятилетия несколько повысило популярность существующей системы (<http://www.levada.ru/20-02-2012/rossiyane-ob-armii>).

²⁶ Подробнее о роли демографии в переходе от призывной к профессиональной армии см.: *McDermott R.* The Reform of Russia's Conventional Forces: Problems, Challenges and Policy Implications. Wash. DC: Jamestown Foundation, 2011.

²⁷ О сложностях в работе первой школы сержантов см.: *McDermott R.* The Mysterious Case of

Russia's "New Look" Sergeants // Eurasia Daily Monitor. 2012. 12 June.

²⁸ О перспективах выправления ошибок в этой области см.: *Цыганок А.* Генерал-губернаторские курсы вместо академии // Независимое военное обозрение. 2012. 11 февр.

²⁹ Описание первого центра в Мулино, окончание строительства которого намечено на 2014 год, можно найти на сайте компании *Rheinmetall Defence* (<http://www.rheinmetall-defence.com/index.php?lang=3&fid=5653>). См. также: *Литовкин В.* Побеждать нас научат немцы // Независимое военное обозрение. 2011. 24 июня.

³⁰ См.: *Владыкин О.* Капремонт, модернизация и новое пополнение // Независимое военное обозрение. 2012. 15 июня. Осуществимость совместного российско-украинского проекта оперативно-тактического военно-транспортного самолета Ан-70 зависит от политических отношений, в которых высока вероятность новых обострений; см.: *Авдеев Ю.* Ан-70: Трудный путь в небо // Красная звезда. 2010. 3 марта.

³¹ О неясных перспективах реформирования ВДВ см.: *Брагин Н.* Противодесантная операция: Перевооружение ВДВ приостановлено // Независимое военное обозрение. 2012. 27 июля.

³² См.: *Литовкин В.* Семь авиабаз, 28 модернизированных аэродромов и новейшие самолеты // Независимое военное обозрение. 2012. 16 марта.

³³ Планы строительства ВМФ см.: *Богданов К.* Извилистая дорога к большому флоту // Независимое военное обозрение. 2011. 30 сент.

³⁴ Внимание к проблеме «моногородов» обусловлено не столько «особыми отношениями» между Владимиром Путиным и «Уралвагонзаводом», сколько резонансной статьей Евгения Гонтмахера: *Гонтмахер Е.* Сценарий: Новочеркасск-2009 // Ведомости. 2008. 6 нояб.

³⁵ См.: *Мухин В.* Минобороны не готово к цифровой войне // Независимая газета. 2011. 20 июля.

³⁶ О целеполагании Путина для ОПК «совершить мощный, комплексный прорыв» точно выска-

зался Александр Гольц, см.: *Гольц А.* Путинская индустриализация // Ежедневный журнал. 2012. 3 сент. (<http://www.ej.ru/?a=note&id=12199>).

³⁷ Это философское утверждение относилось к производству боеприпасов на совещании по исполнению госпрограммы вооружений для сухопутных войск 3 июля 2012 г. Стенограмма доступна на президентском сайте: <http://president.kremlin.ru/news/15868>.

³⁸ О технологических тупиках систем ПРО см.: *Podvig P.* Point of Distraction // Bulletin of the Atomic Scientists. 2012. 1 June (<http://thebulletin.org/web-edition/columnists/pavel-podvig/point-of-distraction>). Предельно лаконичную оценку создания командования ВКО дал Александр Гольц, см.: *Гольц А.* Воздушно-космический абсурд // Ежедневный журнал. 2011. 25 июля (<http://www.ej.ru/?a=note&id=11202>).

³⁹ Предположение о том, что Путин не пойдет по пути профессионализации армии, опасаясь роста ее политического самосознания, я высказывал еще в 2002 году и не вижу оснований для его пересмотра; см.: *Baev P. K.* The Plight of the Russian Military: Shallow Identity and Self-defeating Culture // Armed Forces & Society. 2002. Vol. 29. No. 1. P. 129–146.

⁴⁰ См.: *Ходорковский М.* Левый поворот // Ведомости. 2005. 1 авг.

⁴¹ Сценарий глубокой дестабилизации Северного Кавказа показан в главе Алексея Малашенко в книге «Россия 2020: Сценарии развития»: *Малашенко А.* 2020 — Последний шанс для Северного Кавказа? // Россия 2020: Сценарии развития / Под ред. М. Липман, Н. Петрова. М.: Росспен, 2012. С. 423–443.

⁴² Сценарий «Русское чудо», сконструированный Дэниелем Йерджином и Тэйном Густафсоном двадцать лет назад, служит напоминанием об упущенных шансах; см.: *Yergin D., Gustafson Th.* Russia 2010 and What It Means for the World. N. Y.: Random House, 1993.